Почти 120 лет прошло с тех пор, как в России были посеяны первые семена трехангельской вести, проповедуемой Церковью христиан-адвентистов седьмого дня. К тому времени Церковь АСД стала уже международным сообществом верующих, ожидающих скорого Второго пришествия Иисуса Христа на землю и соблюдающих субботу как День Господень.

Для многих людей, укоренившихся в сознании, что в России может иметь право на существование только византийское христианство, представляемое господствующей православной церковью, казалось, что протестантские миссионеры проповедуют странные «западнические» идеи, не имеющие ничего общего с традиционной российской религиозностью. До сих пор представления о том, что адвентисты являют собой образец чужого, инородного вероисповедания, продолжают широко распространяться в обществе, что, в частности, находит свое отражение в причислении Церкви АСД к нетрадиционным религиям.

Более чем за 100 лет существования в России адвентистам седьмого дня вместе с многострадальным русским народом пришлось пережить тяготы и лишения двух мировых войн, гражданской войны, голод 20-х годов и лихолетье коллективизации, сталинские репрессии и хрущевские кампании по борьбе с религией. Церковь АСД в России сегодня — это значительная часть общества, которая не мыслит себя в отрыве от радостей и бед своего народа и предлагает свою скромную лепту в дело духовно-нравственного и социально-экономического возрождения Отечества. **Предпосылки**

Появлению Церкви АСД в России способствовал целый ряд факторов.

Прежде всего, было бы ошибкой считать, что первые миссионеры-адвентисты проповедовали идеи, совершенно чуждые русскому народу. Многие вероучительные положения Церкви АСД были известны представителям многочисленных религиозно-реформационных движений, возникновение которых относится еще к концу XIII-началу XIV веков.[1]

Представители этих движений призывали к демократизации веры, возвращению к ценностным нормам раннего христианства, критиковали господствующую церковь за прислужничество власть имущим, за практику обогащения и пороки, царившие среди духовенства. Русские протестанты проповедовали идеи, сближавшие их с протестантами Западной Европы. Например, молокане проповедовали «спасение личной верой», протестантский принцип "Sola Scriptura" («Библия и только Библия»), отрицали всякое посредничество между Богом и человеком (кроме ходатайственного служения Христа), не принимали поклонение иконам и мощам, сложную обрядность православия.

Соблюдение субботы как Дня Господня своими корнями уходит в глубь российской истории. Во второй половине XV века в Новгороде, Пскове, Твери, Москве представители так называемой Новгородско-Московской ереси соблюдали субботу. Среди них были образованнейшие люди своего времени: новгородские священники Дионисий и Алексей, протоиерей Гавриил, архимандрит Кассиан, дьяк посольского приказа Федор Курицын, мать наследника престола Дмитрия Елена Волошанка и многие другие. Несмотря на репрессивные меры, которые предприняла государственная власть вместе с официальной Церковью по отношению к «жидовствующим»[2], влияние их взглядов на русское общество продолжало оставаться довольно-таки значительным. Это видно хотя бы из того факта, что Стоглавый Собор Русской Православной Церкви, собравшийся при царе Иване IV (Грозном), «в 95 главе повелевает праздновать, наряду с воскресным днем, и субботу на основании правила, приписываемого апостолам Петру и Павлу»[3].

История субботнего движения в России до конца остается еще не изученной. Один из исследователей этого вопроса прошлого столетия Н. Астырев писал: «Лучшие исследователи русского раскола и сектантства едва упоминают о субботниках при перечислении «наиболее вредных сект» по официально принятой терминологии; история этой секты совсем не разработана; не сделано до сих пор сколько-нибудь серьезной попытки связать в одно целое отдельные о ней известия, относящиеся к самым различным пунктам России на протяжении целых четырех столетий»[4] . И далее автор предполагает, что в течение четырех веков не было такого периода, когда этой секты не существовало бы в каком-нибудь месте обширного русского государства.

В начале XIX века субботствующие распространились в Московской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Астраханской, Ставропольской, Воронежской и многих других губерниях. В обыденной жизни они отличались простотой, скромностью и трудолюбием, признавали субботу, соблюдали закон о чистой и нечистой пище. По свидетельству многих авторов, во второй половине XIX века субботники были представлены в 30 губерниях России, насчитывая более 50 тысяч последователей.

Были среди русских реформаторов и те, кто по примеру адвентистов седьмого дня отстаивали библейское учение о цельности человеческой личности в противовес дуалистической антропологии традиционной Церкви. Среди них, например, Симон Будный, издавший Библию на польском языке. Он отрицал бессмертие души, считая, что это вовсе не библейское учение. «Совершенно очевидно заблуждение тех, — писал он, — кто считает, что души, отделившись от людей, продолжают самостоятельно жить

после их смерти, терпят муки или наслаждаются то, что душа не живет после смерти, вытекает из многих мест Священного Писания... Душа, есть ни что иное, как человеческая жизнь... Мнение, что якобы существует какая-то душа, которая после смерти испытывает муки или веселится на небе, является басней... Совершенно очевидно, что мертвые ничего не знают ни о нас, ни о себе, ибо как только дух вылетает из их тела, тотчас умирают и их мысли»[5].

Адвентисты седьмого дня не были первыми и в проповедовании вести о скором Втором пришествии Христа. В многочисленных немецких колониях на окраинах России разносились идеи известного лютеранского богослова Иоганна Бенгеля и немецкого педагога-просветителя Л. Кельбера о скором Втором пришествии Христа. Об этом проповедовал в Крыму, Грузии, Туркестане выдающийся путешественник, лингвист, этнограф, миссионер Иосиф Вольф. Путешествуя по югу России, Иосиф Вольф посещал разбросанные повсюду колонии менонитов, среди которых он встречал полную поддержку своих взглядов. О том, что надежда на скорое пришествие Господа была жива в менонитских кругах, свидетельствует хотя бы вот это письмо орловского учителя Генриха Гейзе Якову Мартену (датировано 11 декабря 1832 г.): «Дорогой друг! Ваше усердие в распространении книг из здешнего издательства дало мне право передать вам большую партию книг. Среди них 100 экземпляров книг «Второе пришествие Христа» и другие. Вы простите мне эту смелость, будьте добры принять на себя эти хлопоты, на что я рассчитываю благодаря вашей доброте и любезности. Я прошу только Бога, чтобы Он сопровождал эти книги Своим благословением и привел бы через них много людских сердец к живой вере в Его святое имя...»[6]

Серьезный интерес среди протестантского населения юга России вызвали зажигательные проповеди молодого священника из Вюртенберга пастора Отто Вюстэ. Они производили буквально пробуждение среди сепаратистов, лютеран, меннонитов и многих других протестантов, которым О. Бюсте проповедовал о скором пришествии Христа, не взирая на различия в вероисповедании.

Все это вызывало немалое беспокойство в среде официальной Православной Церкви и органов власти, которые пытались остановить набирающее силу религиозное движение репрессивными мерами. Наиболее активных верующих заключали в тюрьмы, наказывали розгами, ссылали далеко в Закавказье и Туркестан.

Появление религиозно-реформационных движений на всем протяжении истории России свидетельствовало о неудовлетворенности русского народа мертвыми по духу предписаниями официальной Церкви. Искренне верующие люди пытались искать

ответы на свои духовные запросы. Этому в немалой степени содействовало появление на родном языке в XIX веке Священного Писания (1876 г.), которое, быстро распространяясь, становилось для многих сердец единственным источником правды о Боге и спасении.

Одним словом, возникавшие в среде русского общества религиозно-реформационные движения смогли подготовить почву для принятия Россией идей протестантизма, пришедших с Запада, в том числе и трехангельской вести, которая была принесена в конце XIX века адвентистами седьмого дня.

Во второй половине XIX века, начиная с эпохи царствования Александра II, в России сложилась определенная ситуация, которая в немалой степени способствовала раскрепощению народного сознания и распространению как западного протестантизма, так и национальных форм инославия. Речь идет о социальных реформах 60-х годов: отмене крепостного права, земской и судебной, школьной реформах, смягчении цензурных правил и т.д. И хотя политика реформ затем сменилась контрреформами, проводимыми Александром III, находящимся под сильным влиянием обер-прокурора Священного Синода графа К.П. Победоносцева, однако это противостояние прогрессу не смогло уничтожить достигнутого за этот период. Самосознание народа было разбужено. Реформенный период разбудил в людях интерес к общественно-политической жизни, знаниям. Безусловно, реформы, затронувшие все стороны жизни народа России, не могли не подготовить почвы для принятия Православной Россией западного протестантизма.

В немалой степени проявлению инославия на русской земле способствовал и неутоленный духовный голод народа, порожденный самой церковью, превратившейся в придаток государственного аппарата управления. Низведенная до одного из департаментов в бюрократическом аппарате, церковь утратила свое исконное предназначение и перестала быть Церковью в библейском смысле этого слова. Вот что с горечью писал по этому поводу известный русский религиозный философ В.С. Соловьев: «Если Церковь становится государственным учреждением, т.е. государством, «царством от мира сего», она перестает быть Церковью и обрекает себя на судьбу мирских царств»[7].

Вся религиозность русского народа сводилась, в основном, к внешнему исполнению предписаний церкви. Начала христианской веры тесно были переплетены с языческими праздниками и обычаями. Простой народ верил колдунам, кликушам, юродивым, и трудно сказать, чего больше было в этой по-детски наивной религии — веры или

суеверия.

Религиозное невежество народа вело к ослаблению нравственных устоев. С горечью вынужден был писать об этом профессор А. Воронов: «Важнейшие церковные обряды и церемонии, исполненные глубокого священного смысла и значения — погребение, поминовение усопших, закладка дома, крещение, а также праздники, особенно храмовые, сопровождаются. .. обильными возлияниями Бахусу, сборищами и гульбищами в корчмах со всеми вытекающими отсюда безобразиями, ссорами и драками... переходят и в дома, и здесь являются причинами бесконечных неприятностей, отравляющих всю жизнь членов семейств»[8].

Грустную картину являло собой низовое духовенство, видевшее в своем служении лишь отправление треб и сбор денег за них. Зачастую размер платы за требы определялся священниками произвольно, что вызывало недовольство в народе и подрывало доверие к служителям церкви. Оставляла желать лучшего подготовка священников. «Могу засвидетельствовать, — цитирует А. Рождественский слова архиепископа Никанора,—что священники получают, насколько могут получать люди, которые сами почти ничего не читают, почти никакой литературы не выписывают, почти никаких сборников проповедей не имеют... Какого ждать от них проповедничества?... Из служений причтом всенощной мы вынесли тягостнейшее впечатление. Боже мой! И это приходиться слушать часами! Тут страдает все: и вкус, и слух, и нервы, и сердце. И так страдает наш народ целые столетия!»[9].

Несмотря на все это, РПЦ продолжала оставаться мощнейшим духовным институтом, оказывающим влияние на миллионы людей в нашей стране. Многие не хотели замечать кризиса Церкви, ревниво отстаивая ее интересы и защищая устаревшие догмы. Даже те, кто ратовали за реформы, не мыслили себе другой религии. Всякая «новая вера», даже христианская, многих пугала. Русский человек и РПЦ были в то время почти неразделимы.

Таким был исторический и общественно-религиозный фон, который способствовал зарождению и последующему развитию Церкви АСД в России.

Годы становления

Первые церкви АСД стали появляться на окраинах России и первыми обращенными были в основном жители немецких колоний в Крыму, на Северном Кавказе, в Среднем и

Нижнем Поволжье. В какой-то степени в немецких, главным образом менонитских колониях, основанных еще в XVIII веке благодаря манифестам Екатерины II, гарантировавшим свободу вероисповедания и освобождение от воинской повинности, была подготовлена добрая почва для принятия трехангельской вести. Жители колоний были протестантами, среди них царил дух веротерпимости, многие идеи, проповедуемые миссионерами-адвентистами, в частности, идея скорого Второго пришествия Христа, были им хорошо знакомы.

Что касается проповедования среди русских, то пионерам-адвентистам в России пришлось столкнуться с серьезным препятствием. Религиозная принадлежность граждан России строго контролировалась государством и господствующей Церковью. Церковь и государство связаны были настолько тесно, что определить, где кончались функции одного и начинались функции другого, было просто невозможно. Согласно ст. 187 Уголовного Кодекса Российской империи, всякая попытка «совращения» приверженца православной церкви в иную веру каралась пожизненной высылкой в Сибирь. В ст. 188 прописывались такие меры наказания в случае оставления православной церкви и присоединения к другой вере: дети вероотступника передавались на попечительство государства, его имущество конфисковывалось до тех пор, пока он не осознавал своего заблуждения. Ст. 196 гласила, что все те, кто виновны в пособничестве распространению существующих сект или организации новых сект, враждебных православной вере, должны быть лишены всех гражданских прав и высланы на пожизненное поселение в Сибирь или Закавказье[10].

Понятно, что активная миссионерская деятельность среди русских не могла остаться безнаказанной. Кстати, первый адвентистский миссионер Конради был арестован сразу же после совершения первого крещения (селение Бердебулат, Крым) и посажен в Перекопскую тюрьму, обвиненный сразу по трем статьям: распространение «жидовской» ереси, совращение русских в другую веру и проведение публичного крещения. По законам того времени Конради и его спутнику и переводчику Герхарду Перку грозила ссылка в Сибирь. Местные власти ограничились тем, что посадили их в тюрьму, в которой они пробыли 40 дней. И только благодаря вмешательству американского посла в Санкт-Петербурге, который разъяснил царским чиновникам, что адвентисты седьмого дня—это христиане, Конради и Перк были освобождены. Они побывали на родине Перка, а также во многих других местах, продолжая проповедовать трехангельскую весть.

Несмотря на жесточайший запрет проповедовать среди русских, в 1890 году в г. Ставрополе организуется первая русская община АСД, руководимая Т. Бабиенко, бывшим псаломщиком православной церкви, высланным на Северный Кавказ за организацию под Киевом так называемого «Общества братьев-библиофилов (любящих

Библию)». За проповедническую деятельность среди русских Бабиенко вместе с семью членами общины был выслан еще дальше — в Закавказье. Та же участь постигает всех последующих руководителей.

Одним из наиболее эффективных методов проповедования адвентистской вести в России был метод литературного благовестия. Труд книгонош был рискованным. Распространение литературы, пропагандирующей новую религию, считалось запретным. Нередко книгоноши подвергались арестам. Литература, с которой они попадались, проверялась православным священником в присутствии представителя власти. Часто книгоноши подвергались денежным штрафам, литература конфисковывалась.

Известно, что уже в 1888 году адвентистские книгоноши работали в Сибири и Прибалтике. Распространялась главным образом литература, печатавшаяся в США, Швейцарии и Германии. Издание подобных книг и брошюр в России было запрещено. Из-за строгой цензуры невозможно было отправлять литературу по почте или большую партию грузом по железной дороге или пароходом. Часто книги месяцами лежали на таможне, а потом в лучшем случае вновь возвращались к отправителю.

После того как печатание адвентистской литературы было налажено в 1889 году в Гамбурге, снабжение России печатным словом значительно улучшилось. Книги, посылаемые из Германии, не так строго проверялись, как, скажем, из Швейцарии, которая многие годы была центром революционного движения в России.

Большую роль в распространении адвентизма в России играла сильная личность руководителя. Конради был человеком, который никогда не довольствовался достигнутым. Он постоянно стремился расширить поле своей деятельности. Сам много путешествовал, зажигая миссионерским духом и других работников Евангелия. Конради постоянно подчеркивал, что каждая община АСД должна ориентироваться на самостоятельное существование и не привязывать к себе проповедника. Проповедник должен по примеру апостолов сеять бесценные семена истины Божией на новых полях.

Все возрастающее влияние протестантизма в России не могло не вызвать беспокойства со стороны господствующей Церкви. В конце XIX века РПЦ проводит ряд миссионерских съездов, на которых подчеркивается, что Церкви грозит опасность не столько от раскола, сколько от так называемых «рационалистических» сектантских учений (адвентизма, баптизма, штундизма, молоканства и т.д.)[11] . Второй съезд, например,

твердо заявил, что для пресечения роста сектантства необходимы меры административного воздействия. Таким образом, православные миссионеры расписались в бессилии вести борьбу против сектантства чисто религиозными средствами, и признали, что без полиции они не могут справиться с протестантами.

На съездах звучали рекомендации об установлении строгого правительственного надзора над жизнью рабочих и крестьян, обязательной ежегодной регистрации всех рабочих с указанием вероисповедания. Православные миссионеры потребовали даже, чтобы сектантам и старообрядцам делали особую отметку на паспорте об их религиозной принадлежности.

Такими мерами официальная церковь пыталась бороться с протестантскими церквами, которые вносили свежую струю в русскую религиозность и с каждым днем укрепляли свое положение в Российской империи.

На волне январских событий 1905 года и волнений в народе, связанных с поражением России в русско-японской войне, правящие круги предпринимают целый ряд мер, направленных на демократизацию власти. 17 апреля 1905 года был обнародован указ «Об укреплении начал веротерпимости», укрепивший надежду в сердцах верующих протестантов на перемены к лучшему.

Официальное признание

После издания указа о веротерпимости, царское правительство запросило информацию о Церкви АСД в России. Руководители Церкви послали письмо на имя императора Николая II, в котором изложили основы вероучения адвентистов, социальную доктрину Всемирной Церкви, а также разъяснили свою позицию по отношению к государству. Письмо было передано председателю Комитета Министров С.Ю. Витте. Вскоре последовало официальное признание Церкви АСД со стороны царского правительства, которое было закреплено в правительственном циркуляре, разосланном всем губернаторам. Официальное признание Церкви АСД царским правительством ознаменовало новый этап в развитии адвентистского движения в России.

На проходившем в июле 1905 года съезде Германо-Российского союза АСД в г. Фриденсау (Германия) было принято решение о реорганизации существовавшей в России Церкви по территориальному признаку. Отныне все адвентисты, проживающие на одной территории, независимо от национальной принадлежности входили в одно

церковное объединение. Это постановление по сути дела ломало всю созданную ранее в России адвентистскую церковную организацию, которая построена была по национальному признаку. Адвентистские общины становились интернациональными. Для Церкви АСД в то время это было величайшим достижением, серьезно подтолкнувшим ее рост.

Выходит первый номер адвентистского журнала «Маслина» на русском языке. В семинарии Фриденсау открывается русское отделение для подготовки служителей Церкви в России. Адвентистские миссионеры проповедуют не только в центральной части России, но и в Закавказье, Средней Азии и Сибири. Церковь АСД быстро растет, и в 1907 году на съезде в Риге был организован Российский союз (унион) Церкви, председателем которого стал Юлиус Бетхер, подданный США. Несмотря на национальность, председатель униона получил официальное признание русского правительства как глава Церкви АСД в России. «Это был первый случай официального признания нашего проповедника правительством, что во многом способствовало брату Бетхеру в его дальнейшей работе»[12].

В 1908 году по всем конференциям и миссионерским полям проходили официальные съезды Церкви. Для предотвращения беспорядков на заседаниях съездов присутствовала полиция. Все это было непривычным после стольких лет гонений. «Народ ожидал, что нас разгонят или арестуют, — писал О. Вильдгрубе, — но полиция, напротив, защищала нас»[13].

Весной 1911 года Россию посетил глава Всемирной Церкви АСД Артур Даниэльс. Он побывал в Петербурге, Риге, Москве, Киеве и Одессе, встречаясь как со служителями, так и с рядовыми верующими.

К сожалению, начиная с этого времени, происходит изменение политики в сфере государственно-церковных отношений. Подстрекаемое священнослужителями православной церкви, царское правительство издает законы, ограничивающие свободу совести. К принятию их подтолкнуло совершенное в 1911 году убийство председателя Совета Министров и Министра внутренних дел П.А. Столыпина.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел издает несколько указов, относящихся в первую очередь к протестантам. Отныне иностранные подданные, проживающие в России, не имели права организовывать

какие-либо общества, собрания, съезды. Им запрещалось проповедовать где бы то ни было. Любая община прежде чем проводить богослужения должна была быть зарегистрирована. Причем, община регистрировалась лишь в том случае, если в ней насчитывалось не менее 50 совершеннолетних членов, официально открепленных соответствующими письмами от Православной Церкви. Отныне все проповедники должны были получать от губернаторов специальные разрешения, дающие им право проповедовать. Причем, это право получали только подданные Российской империи.

Вполне понятно, что созданная адвентистами в России церковная организация в новых условиях работать просто не могла. Во-первых, почти все руководители Церкви, да и многие служители, были иностранными подданными. Поэтому они оказались перед дилеммой: либо принимать российское подданство, либо оставить свои посты, дав возможность Церкви сформировать новое руководство. Во-вторых, большинство адвентистских общин и групп оказались просто вне закона. Они не регистрировались, если в них насчитывалось менее 50 членов.

Оставался, правда, еще один вариант: сохранить существующую организацию и продолжать работать нелегально. Унионный Совет Церкви решил продолжать работать нелегальным путем.

Начавшаяся в 1914 году война окончательно поставила Церковь АСД вне закона. Многие в России считали адвентизм «немецкой верой». С началом войны это стало неоднократно подчеркиваться даже прессой. И поскольку шла война с немцами, последователи адвентистской церкви стали считаться почти предателями родины. Многие подвергались насмешкам и преследованиям. Собираться для чтения Библии и совместных молитв приходилось только тайно.

Были сосланы в Сибирь многие адвентистские служители. Среди них проповедник из Эстонии А. Клемент (в Иркутскую губернию), русский проповедник из Петрограда С.С. Ефимов (в Енисейск), служитель из Одессы Горелик (в Тобольск), А.Е. Гонтарь из Полтавской губернии (в Иркутскую губернию) и другие.

Председатель Закавказского миссионерского поля Альберт Озоль был сослан в Нарымский край Томской губернии, где в 1916 году умер, заразившись при уходе за больным сыпным тифом. В газете «Сибирь» по этому поводу была помещена заметка: «В деревне Колпашевка в Нарымском крае умер от пятнистого тифа ссыльный Альберт

Яковлевич Озоль, латышский миссионер, изучавший за границей медицину. В ссылке Озоль занимался медицинской практикой. Благодаря добросовестному и сердечному уходу за больными, он приобрел среди ссыльных большую симпатию, равно как и среди местного населения. Покойный был любим и уважаем всеми. При уходе за больными он заразился и в течение 10 дней этот совершенно здоровый и жизнерадостный мужчина на глазах всех окружающих буквально сгорел от жару. Покойному было 38 лет от роду. Он оставил после себя жену с ребенком»[14].

Возможность преодолеть организационные и материальные трудности для Церкви АСД появилась лишь после Февральской революции 1917 года. Был издан указ об амнистии всех политических заключенных, в том числе и отбывающих наказание по религиозным убеждениям. Возвращались из Сибири сосланные туда адвентистские проповедники. Отто Рейнке, как представитель ГК Всемирной Церкви АСД, раз-, вивает бурную деятельность по воссозданию разрушенной войной и царскими указами церковной организации. В качестве переводчика и советника его повсюду сопровождает Г.И. Лебсак.

В июле 1917 года в Саратове удалось созвать Всероссийский съезд АСД, чтобы попытаться как-то восстановить церковную организацию, совершенно разоренную войной. Участники этого собрания в специальном письме Временному правительству изложили свои пожелания в связи с предполагаемой работой над новыми религиозными законами. В письме, в частности, говорилось, что Церковь совершенно должна быть отделена от государства, из законодательства необходимо удалить все ограничительные параграфы, верующим нужно предоставить свободное право основывать и распускать общины. Государство не должно вмешиваться в религиозную область, а церковь — в дела государственные.

После октября 1917 года

История Церкви АСД в послеоктябрьский период складывалась еще более драматично. Несмотря на демократический в какой-то степени декрет о свободе совести, большевики повели беспощадную борьбу с религией. Атеистическая доктрина превратилась в государственную политику. Во второй половине 20-х годов Советская власть выдвинула лозунг: «Борьба с религией — борьба за социализм».

Тем не менее, несмотря на явно безбожный характер новой власти, положение верующих-протестантов, в том числе и адвентистов, заметно улучшилось. По сравнению с недавним бесправным прошлым, сохранившимся в памяти гонениями и притеснениями, декрет о свободе совести от 20 января 1918 год, гарантировавший свободу

вероисповедания и отменивший всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры, сулил многие обещания. Более того, ст. 4 Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 года, гарантировала свободу религиозной пропаганды, что позволило Церкви АСД удвоить свое членство к 1927 году по сравнению с 1920 годом.

Благословенную услугу многим молодым людям, членам церкви, оказал Декрет СНК от 4 января 1919 года «Об освобождении о воинской повинности по религиозным убеждениям». Согласно этого декрета, лицам, не желающим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставлялось право по решению народного суда заменить таковую санитарной службой (преимущественно в заразных госпиталях) или иной соответствующей общеполезной работой по выбору самого призываемого на срок призыва его сверстников. По каждому конкретному случаю народный суд запрашивал экспертизу Московского объединенного Совета религиозных общин и групп. В состав этого Совета от Церкви АСД входили И.А. Львов и В.М. Теппоне.

Общая ситуация в стране в первые годы Советской власти не могла не отразиться на Церкви АСД. Голод, разруха, тиф, парализованное транспортное сообщение, запрет свободно передвигаться по железной дороге, инфляция, война — все это не давало возможности нормально работать и совершать спасительное дело благовестия. Временами служители вообще не получали никакого жалования.

В 1921 году председателю Восточно-Российского Союза Церкви АСД Даниилу Исааку удалось присутствовать на совещании Европейского дивизиона в Дании. Он представил катастрофическую ситуацию с продовольствием в России, вызванную голодом и бездумной политикой продразверстки и договорился об отправке транспорта с продуктами питания из Швеции в Москву. Советское правительство даже одобрило создание адвентистской благотворительной организации по оказанию помощи нуждающимся во главе с И.А. Львовым.[15]

В следующем году в Россию прибыл Л. Кристиан, финансируемый международной благотворительной организацией, возглавляемой известным норвежским филантропом доктором Ф. Нансеном. Советская власть всячески содействовала осуществлению этого проекта, разрешив беспошлинный провоз груза, обеспечив охрану и помогая в распределении гуманитарной помощи. Руководители Церкви АСД в Москве раздали 600 тонн риса, тысячи продуктовых посылок адвентистским церквам во многих городах России. Местные власти помогали в распределении продуктов питания голодающим, совместно с церквами организовывали бесплатные столовые для детей, в которых

беспризорные могли получить фунт хлеба и миску супа в день.[16]

Таким образом, в сложные годы голода и разрухи Церковь с помощью зарубежных единоверцев старалась внести свой посильный вклад в дело спасения соотечественников.

Пятый съезд Церкви АСД (юбилейный), проходивший в Москве в августе 1924 года, наметил большую социальную программу, к реализации которой приступили сразу же после окончания работы съезда.

Церковь участвует в ликвидации неграмотности, открывает лечебные учреждения, организовывает сельскохозяйственные коммуны. Одна из них под названием «Братский труд», руководимая талантливым крестьянином и прекрасным организатором Конрадом Калиниченко, насчитывала более 300 членов и производила многие виды сельскохозяйственной продукции, не только обеспечивая себя, но и выделяя деньги на осуществление местных культурных проектов и для оказания помощи в окружающих селениях.

В 1926 году адвентистам совместно с евангельскими христианами и баптистами разрешено было отпечатать 25 тысяч Библий в государственной типографии в Ленинграде. Впервые за всю историю государства Российского христиане иных конфессий, а не только Русская Православная Церковь, получили возможность отпечатать Священное Писание.

Начиная с 1927 года, руководители Церкви АСД в России почувствовали, как меняется политика государства по отношению к адвентистам. Атеистическое государство постепенно начинает предпринимать попытки подчинения Церкви себе. И хотя до жесткого «сталинского» религиозного законодательства оставалось еще два года, деятельность Церкви все более и более ограничивается, над всеми направлениями ее деятельности устанавливается неусыпный контроль, который с каждым днем усиливается, проникая во все сферы церковного организма. Государство бесцеремонно начинает вмешиваться в дела Церкви, навязывая ей свою волю. Ответственные проповедники подвергаются давлению, их начинают заставлять принимать решения, которые выгодны властям.

Особенно явно это проявилось на 6-м Всесоюзном съезде церкви АСД в 1928 году, когда по вопросу о воинской повинности под давлением наркомата внутренних дел делегатам по сути дела была навязана позиция, вызвавшая целую бурю недоумения и смущения в адвентистской среде, как в России, так и за рубежом.

В январе 1929 года из Москвы была разослана по местам директива за подписью Л.М. Кагановича, предписывающая считать религиозные общества контрреволюционными организациями, а 1 марта в первичные профсоюзные организации направлен циркуляр ВЦСПС № 53 «Об усилении антирелигиозной пропаганды». В нем говорилось: «VIII съезд профсоюзов обратил особое внимание на необходимость усиления идейной борьбы с религиозным мировоззрением, в частности, с развитием баптизма, учением евангелистов и т.п. В настоящий момент церковь и различные религиозные секты служат прикрытием для антисоветской работы кулацких и капиталистических элементов в стране и для международной буржуазии»[17].

На Втором Всесоюзном съезде воинствующих безбожников, состоявшемся в начале апреля 1929 года, была принята резолюция, в которой говорилось, что «религиозные организации в лице из верхушек, проповедников, активистов являются политической агентурой... и военно-шпионскими организациями международной буржуазии». К ним причислялись баптисты, евангелисты, адвентисты и методисты.[18]

Вслед за этой резолюцией 8 апреля 1929 года вышло постановление ВЦИК РСФСР «О религиозных объединениях», резко ограничившее деятельность Церкви. Фактически все, что поддерживало постоянный рост Церкви, было запрещено. Запрещались миссионерская работа и религиозная пропаганда. Сфера деятельности проповедников и пресвитеров ограничивалась местожительством членов церквей и местонахождением молитвенного дома. Оказание материальной помощи членам церквей, создание касс взаимопомощи, проведение специальных детских и молодежных собраний запрещалось. Организация верующими кооперативов, производственных артелей, а также библейских, литературных, рукодельных и других отделов, кружков, групп в общинах по данному законодательству тоже воспрещалась. Вся деятельность церквей была ограничена лишь удовлетворением религиозных потребностей в стенах молитвенных домов.[19]

В начале 30-х годов функционирование сложившейся ранее церковной организации оказалось невозможным. Все ее промежуточные звенья, существовавшие между

местными церквами и Всесоюзным Советом (местные объединения, областные союзы), были упразднены. Организация церковных съездов, конференций, отчетных собраний стала практически невозможной. Связь со Всемирной Церковью АСД полностью прервалась.

Но представление о том, что после 1929 года история Церкви АСД обрывается, совершенно необоснованно. История Церкви никогда не прерывалась, она продолжалась, но писалась уже не в стенограммах и отчетах съездов, а в памяти тысяч братьев и сестер, переживших трагические годы массовых репрессий и попыток физической расправы над религией в СССР. Адвентисты сохранили верность учению Иисуса Христа, каким они приняли его от своих предшественников. Большинство верующих воспринимали постигшие их испытания как должное, памятуя слова ап. Павла: «Нам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1:29). Они понимали, что, как последователи Христа, должны быть благодарны Богу не только во время благоденствия, но и во времена страданий.

Члены Церкви АСД всегда старались быть добрыми гражданами своей страны, они добросовестно трудились везде, где им представлялась возможность. Но ситуация резко осложнилась после того, как в 1929 году была введена шестидневная неделя с пятью рабочими и одним выходным днем. Найти работу, которая позволяла бы свободно соблюдать заповедь Божью — «помни день субботний, чтобы святить его», было практически невозможно. Верным членам церквей приходилось в лучшем случае менять места работы по несколько раз в год, а в худшем — вообще оставаться без работы и числиться в категории «тунеядцев». Это нововведение было отменено лишь в 1940 году.[20]

Многие верующие были объявлены «лишенцами». Это означало, что они были лишены возможности пользоваться медицинской помощью, получать хлебные карточки, не имели права голоса, не могли устроиться на работу на завод или в государственное учреждение.

В 1930 году начались аресты, которые не прекращались на протяжении целого десятилетия. По словам Г.А. Григорьева, в те годы было арестовано 150 проповедников и пресвитеров Церкви АСД и более трех тысяч рядовых членов.[21]

Арест служителя Церкви означал фактически самоликвидацию общины. Так случилось,

например, с церковью АСД в Ленинграде. В ежегоднике Музея истории религии и атеизма АН СССР говорится об этом следующее: «В этой общине к началу 1937 года почти не осталось лиц моложе 40 лет. Денежные поступления в общине к 1938 году почти полностью прекратились. .. Следует сделать вывод о несомненном и значительном сокращении числа членов этой секты. В результате в феврале 1938 года от имени адвентистской двадцатки в райсовет Фрунзенского района поступило заявление о самоликвидации секты АСД в г. Ленинграде»[22].

Как парадоксально это не звучит, но Великая Отечественная война стала в какой-то степени спасительной для религии и в частности Церкви АСД в СССР. Возросшее влияние церкви, патриотизм верующих, участие в материальной помощи фронту, переговоры советского правительства с США и Англией об открытии второго фронта, одним из условий которых было изменение отношений к свободе совести, — все это содействовало тому, что в годы войны ситуация с религией действительно изменилась в лучшую сторону. Адвентистские церкви стали снова регистрироваться и возобновлять официальные богослужения. После 1944 года было зарегистрировано более 300 общин с численностью членов более 13 тысяч и числом служителей 76 человек.[23]

После окончания войны Г.А. Григорьев стал предпринимать попытки воссоздания разрушенной в 30-40-х годах церковной организации. Несмотря на определенное потепление в отношениях между государством и церковью, о созыве очередного съезда и выборах руководителей не могло быть и речи. Государство через институт уполномоченных строго контролировало ситуацию на местах, подавляя всякую инициативу, ведущую к качественному и количественному росту Церкви АС Д. Государство, боясь, выпустить ситуацию из своих рук, просто не заинтересовано было в существовании единой организации, построенной по канонам международной Церкви.

Организация, попытки создания которой предпринял Г. А. Григорьев, конечно же была далеко не совершенной и не соответствующей международным церковным стандартам, тем не менее на тот период времени она каким-то образом могла сплотить разрозненные группы и общины АСД, разбросанные по огромной территории Союза.

В 1945-46 годах продолжалась регистрация общин, начатая еще во время войны. Наиболее активно этот процесс проходил на Украине, в Молдавии и Прибалтике. В России были зарегистрированы лишь несколько общин — в Москве, Горьком, Ростове-на-Дону, Таганроге и Ставрополе. В Средней Азии не было ни одной церкви.

В каком положении находились незарегистрированные общины? Один из тогдашних руководителей Церкви СП. Кулыжский, вспоминая то время, говорил: «Не регистрированные общины тогда находились в очень затруднительном положении. Их не могли посещать проповедники зарегистрированных общин, так как власти не давали на это разрешения. Не регистрированные общины не имели права обращаться в свой религиозный центр. Получилось так, что все сообщество разделилось надвое — на сынков и пасынков. В таком положении находились незарегистрированные церкви в Российской Федерации, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии»[24].

5 марта 1953 года умер Сталин. Вместе со смертью вождя умирала, казалось, эпоха репрессий, доносов, лагерей. В сердцах многих верующих, осужденных за свои религиозные убеждения, зажглась надежда на свободу. Многие в связи со смертью Сталина рассчитывали на амнистию.

Какое-то время после смерти Сталина продолжала вестись борьба с религией старыми методами. Но наметилось и новое направление, сформулированное в одном из номеров газеты «Правда», напечатанном в конце июля 1954 года. Большая статья, помещенная в этом номере, призывала к «расширению научно-атеистической пропаганды». В августе по радио объявили о создании нового журнала — «Наука и религия». Одним словом, борьба с религией облеклась в некое наукообразие.

В ноябре 1954 года Н.С. Хрущев подписал резолюцию ЦК КПСС, в которой подчеркивалась необходимость идеологической борьбы с религией, но вместе с тем осуждалось административное воздействие на религиозные организации. В результате этого религиозная пропаганда в последующие несколько лет шла на спад, а обещанный журнал появился только в 1959 году.

Однако в конце 50-х годов начинается новая атака на Церковь в Советском Союзе. Вводятся дополнения к законодательству о религиозных культах, которые еще больше ограничивают права верующих и расширяют возможности местных уполномоченных по притеснению верующих. Последние действуют жестко и непримиримо, проводя политику грубого вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви. Все это в какой-то степени разделяло как служителей, так и рядовых верующих по вопросу: насколько далеко позволительно органам власти вмешиваться во внутренние дела общин? С каждым годом это разделение ощущалось все сильнее, пока не вылилось в появление двух параллельно существующих церковных адвентистских организаций, именовавшихся тогда как «официальная» и «неофициальная». По всей видимости, в том и заключалась государственная политика по отношению к религии в тот момент, чтобы разделить

Церковь, заставить верующих с подозрением смотреть друг на друга, а саму ее пойти по пути самовымирания. Вся религиозная активность верующих жесткими ограничениями в законодательстве сводилась на «нет». Формировался своего рода «советизированный» вариант Церкви. В декабре 1960 года был распущен, или, правильнее сказать, ликвидирован Всесоюзный центр Церкви в Москве без какого-либо объяснения государственными чиновниками своих действий. Многочисленные общины адвентистов седьмого дня на территории СССР перешли на автономное существование. «Начавшееся на рубеже 50-60-х годов административное наступление на Церковь, — писал Александр Нежный, — еще раз продемонстрировало решительное нежелание бюрократического аппарата считаться с интересами значительной части населения» (верующих — авт.)[25].

Последующей истории восстановления единой церковной организации, разоренной атеистическим режимом, еще предстоит дать должную оценку. Почти двадцать лет мучительных и болезненных переживаний, связанных с поиском пути к единству, завершились в начале 80-х годов воссоединением Церкви, а последовавшие вскоре «гласность» и «перестройка», ознаменовавшие начало демократических преобразований в обществе, открыли новую эпоху в деятельности адвентистов в России.

Современная Церковь АСД в России, осуществляя серьезную евангелизационно-просветительскую, образовательную и издательскую деятельность, активно участвуя в социальном служении, с надеждой смотрит в будущее, готовая и впредь выполнять порученную ей Богом миссию. Церковь не мыслит себя сегодня в отрыве от многострадального народа земли русской, с которым она уже столько лет разделяет общую судьбу. И вся ее драматическая история — яркий тому пример.

- [1] Известный исследователь народных противоцерковных движений в России А.И. Клибанов пишет: «Истории России не знала Реформации, но из этого не следует, что общественное развитие России не порождало на тех или иных этапах религиозно-общественных движений реформационного типа». Клибанов А.И. «Русское православие, вехи истории», М., 1989 г., стр. 562.
- [2] Название «жидовствующие» было искусственно дано субботникам 3 февраля 1825 года с синодским указом, который гласил: «Как ничто не может иметь большего влияния над простым народом, как презрение или посмеяние над заблуждениями, и что средство сие употребляют как раскольники разных сект, так и субботники в отношении православной веры, то в сношениях местных начальств именовать субботников жидовскою сектою, и оглашать, что они подлинно суть жиды» («Северный вестник», 1891 г., № 6, стр. 61-62).
- [3] Ивановский Н. «Руководство по истории и обличению старообрядческого

раскола», Казань, 1892 г., 2 ч., стр. 10.

- [4] Астырев Н. «Субботники в России и Сибири», журнал «Северный вестник», 1891 г., № 6, стр. 34.
- [5] Подокшин С. А., Скорина и Будный. «Очерк философских взглядов». Минск, 1974 г., стр. 99-100.
- [6] Г.И. Лебсак. «Великое адвентистское движение и адвентисты седьмого дня в России», Киев, 1918 г., стр. 114.
- [7] Соловьёв В.С. «О христианском единстве», стр. 231.
- [8] Воронов А. «Штундизм, очерки религиозно-бытовой жизни в Малороссии», СПб, 1884 г.
- [9] Рождественский А., «Штундисты на юге России», 1882 г.
- [10] P. Magan, "Russia's Religious Laws", Advent Review and Sabbath Herald, 17 February 1891,103.
- [11] В. Скворцов. Второй миссионерский съезд в Москве, М-, 1891 г., стр. 5.
- [12] Г.И. Лебсак. «Великое адвентистское движение», стр. 97. 12Журнал «Маслина», июль 1908 года.
- [13] Журнал «Маслина», июль 1908 года.
- [14] Журнал «Сибирь», № 195, 15 сентября 1916 г.
- [15] Der Adventbote, Mar. 1, 1922.
- [16] All Lohne "Adventists in Russia", Review and Herald PA, Washington, 1987, p. 82.
- [17] Орлеанский Н. «Закон о религиозных объединениях РСФСР», М., 1930 г.
- [18] Материалы II Всесоюзного съезда воинствующих безбожников», 1929 г.
- [19] «О религии и церкви». Сборник документов, М., 1981 г., стр. 126-130.
- [20] Walter Kolarz, "Religion in the Soviet Union", London: Macmillan and Co., Ltd, 1961, p. 31.
- [21] Мацанов П.А., Мацаыова А.Г. «По тернистому пути», Калининград, 1995 г., стр. 11.
- [22] «Ежегодник Музея истории, религии и атеизма Министерство культуры РСФСР», вып. VI, М.-Л, 1962 г., стр. 145.
- [23] Парасей А.Ф. «Возникновение и развитие адвентистов седьмого дня в России», Киев, 1989 г., стр. 64 (рукопись).
- [24] Теппоне В.В.. «Из истории Церкви АСД в России», М., 1990 г., стр. 124.
- [25] Нежный А. «Общая история, одно отечество», газ. «Московские новости», 8 мая 1988 г.